

Культура. 2000. — 16-22 марта. — 110

Партитура стала прозрачной

Владимир Спиваков
и РНО

Концерт Российского национального оркестра под управлением Владимира Спивакова с "изюминкой" в лице солиста Михаила Рудя, нечасто "залетающего" в Москву из Франции, разумеется, не мог не привлечь внимания столичных меломанов. Второй фортепианный концерт Прокофьева и Пятая симфония Шостаковича предоставили исполнителям достаточно возможностей блеснуть техническим и интеллектуальным мастерством. Пианист предпочел первое, дирижер — второе.

Михаил Рудь, выпускник Московской консерватории, вот уже более двадцати лет живущий и процветающий на Западе, в стенах Большого зала играл с нескрываемым удовольствием. Правда, из его интерпретации начисто ушли прокофьевские вызов, напор, кураж (глядя на этого лиричного пианиста, трудно было поверить, что когда-то премьера Второго концерта вылилась в настоящий скандал, а Прокофьева окрестили "фортепианным кубистом и футуристом"), зато неожиданно появилась джазовая раскованность. Так, мрачно-зловещая третья часть выглядела у солиста как джазовый квадрат, начиненный разного рода ритмическими и интонационными сюрпризами. А терпкие диссонансы финала — в свободно-небрежной манере, с характерным покачиванием головы! — и вовсе увели от Прокофьева к рок-операм Уэббера. Приятно удивили филигранные пассажи и лучистый звук. Рудь явно обладал своим лицом, своей манерой, своим туше. За эти редкие в наше время качества пианисту можно было

простить и проблемы с крупной техникой, и даже некоторую аморфность целого.

Как ни парадоксально, гвоздем фортепианной программы стал не Концерт, а сыгранная на бис "Масленица" из балета "Петрушка" Стравинского. Слово "разогревшись" на Прокофьеве, в "бисовке" пианист набрал стопроцентную исполнительскую форму. Вот где были задор, кураж, феерическая техника!

Владимир Спиваков покорила зал противоположным оружием: строгостью. Элегантность — фирменное качество маэстро — критики нередко ассоциировали с облегченностью. Однако с тех пор как музыкант стал во главе РНО, понятие "элегантность" обнаружилось и иной смысл: строгость, соразмерность, тонкий вкус. В Концерте Прокофьева оркестр под предводительством Спивакова держался со скромным достоинством, лишь изредка нарушая узаконенную самим автором диктатуру фортепиано. Зато в Пятой симфонии Шостаковича то же сдержанное достоинство стало главной, движущей силой.

На смену эффектности пришла ясность: абсолютно прозрачная оркестровая ткань, где слышен каждый акцент, тембр, подголосок ("До тех пор, пока партитура не станет прозрачной, как квартет Моцарта, можно сказать, что дирижер ее не знает", — слова самого маэстро). Ни одного "выпирающего" из оркестра соло, ибо сам оркестр у Спивакова — все те же соло, только звучащие вместе. Сдержанная внешне и предельно накаленная изнутри мелодическая линия, угрожающе не-

громкий звук с потенциалом скачтой пружины. Музыка, подобно полотнам абстракционистов, увлекает не столько конкретными образами, сколько энергетикой, напряжением, нервом. Мучительная жизнь человеческого духа, достигающего головокружительных высот, порой устало скатывающегося в банальность, подверженного смене настроений, но ни на минуту не останавливающегося и тем прекрасного...

Подчас чрезмерное изящество исполнения вытесняло присущие композитору масштабность и размах (например, в Largo). Однако в целом сдержанная манера Владимира Спивакова отвечала духу и букве музыки Шостаковича. И импонируя оркестру. Железно повелевая исполнителями, дирижер на сцене не выглядел диктатором. Его попросту не было видно, он словно слился с оркестром. И музыканты отвечали ему полным пониманием, демонстрируя отличный звук и интеллектуальное равенство со своим лидером.

Остро, упруго, без привычного "разгула чувств" прозвучал на бис знаменитый "Вальс" Хачатуряна, который дирижер посвятил "памяти друга, Анатолия Александровича Собчака".

Итак, как и предполагалось, музыкальный подарок "от Спивакова и РНО" получился элегантным, то есть строгим, исполненным вкуса. Публика радовалась от души — так радуется потребитель, среди товаров массового производства неожиданно встретивший штучное, настоящему дорогое изделие.

Татьяна СИДОРОВА

Фото ИГОРИНОВОЙ

М.Рудь и В.Спиваков